

Качественные изменения в мировом социально-экономическом развитии: потенциал теоретических представлений о рациональности

Родина Галина Алексеевна

доктор экономических наук, профессор

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный технический университет», г. Ярославль, Российская Федерация

E-mail: galinarodina@mail.ru

Аннотация. Статья разрабатывает тему актуальных проблем современных социально-экономических трансформаций, требующих осмысления и всестороннего исследования, которые происходят как на национальном, так и на международном уровне и побуждают к разработке актуальной стратегии развития с учётом становления новой мирохозяйственной модели. Данная статья посвящена анализу потенциала теоретических представлений о рациональности, которые являются основанием предмета экономической теории. Выдвигается гипотеза о том, что по мере трансформации индустриальной экономической системы, предъявившей спрос на рационального «экономического человека», в некую другую систему сам «экономический человек» тоже должен трансформироваться в новое существо; в противном случае его эффективность будет либо подорвана, либо утрачена. Выделяются три этапа данной трансформации на трёх уровнях: индивидуальном, национальном и наднациональном. Автор проследил переход от полной рациональности «экономического человека», ориентирующейся на чисто рыночное равновесие, к псевдорыночному (социальному) равновесию «социально-экономического человека», а от него – к принципу частичной оптимизации (удовлетворённости), критерием эффективности которого является устойчивость. В итоге был обоснован вывод о том, что «экономическому человеку» удалось сохранить конкурентоспособность в XXI веке, но только ценой глубокой собственной трансформации от полной рациональности – к ограниченной, от чисто экономической – к социо-экономической. Сделан прогноз относительно возрастания в основании рациональности неэкономических целей сотрудничества, взаимовыгодности, сопряжения знаний и технологий духовно-нравственным, культурным и этическим принципам и нормам, что актуализирует предсказание М.И. Туган-Барановского о судьбе политической экономики, сделанное им более ста лет назад

Ключевые слова: рациональность, «экономический человек», эффективность, принцип полной оптимизации, принцип ограниченной (частичной) оптимизации, рыночное равновесие, псевдорыночное равновесие, устойчивость экономической системы

JEL codes: B10; B20; D62; E10; F63

Для цитирования: Родина, Г.А. Качественные изменения в мировом социально-экономическом развитии: потенциал теоретических представлений о рациональности / Г.А. Родина. - Текст : электронный // Теоретическая экономика. - 2023 - №5. - С.12-20. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 30.05.2023)

Введение

Происходящий на наших глазах структурный кризис имеет объективное основание в лице перехода к новому технологическому укладу и началу новой волны К-цикла. Однако, в отличие от предыдущих подобных переходов, трансформации подвержена сама мировая модель социально-экономического развития: формируется новый, азиатский, центр мировой экономики, который С.Ю. Глазьев назвал интегральным (солидарным), т.к. государство объединяет всех хозяйствующих субъектов, все социальные группы вокруг общего критерия – подъёма общего благосостояния, реализуя общественные интересы. Иными словами, рынок регулируется в интересах общественного благосостояния, что позволяет этому укладу продемонстрировать на порядок большую эффективность [3, 5].

Проблема эффективности была, можно сказать, «краеугольным камнем» экономических изысканий различных экономических школ. Оставляем за пределами данной статьи период

протонауки, сформировавшей зачатки теоретических знаний и подготовившей переход к реальному теоретическому обобщению в рамках научного метода, который, в отличие от других методов познания (например, умозрительных рассуждений или «божественного» откровения), обеспечивает более высокую степень достоверности результатов, т.к. основан на воспроизводимом эксперименте или наблюдении. Первой «законной» научной школой стала классическая экономическая школа XVIII-XIX вв. в лице классической политической экономии. Она открыла эпоху «Grand Theories» (так называемых «великих» обществоведческих теорий), искавших ответы на главные вопросы соответствующих исторических эпох: что это за общество и куда оно идёт. Период становления индустриального общества нуждался в метафизических ответах на данные вопросы. Поэтому отправным пунктом нашего исследования стали труды А. Смита. Затем, по мере обретения индустриальным обществом собственной материально-технической базы, более актуальными стали проблемы её эффективного использования. Метафизический подход уступил место функциональному, занимавшемуся исследованием поверхностных форм. Это потребовало от нас прибегнуть к работам А. Маршалла. XX век высветил новый, макроэкономический, аспект в проблеме эффективности, что обусловило обращение к Дж.М. Кейнсу. Процессы социализации и глобализации XXI века побудили подключить к анализу эффективности неoinституционализм.

Наша цель – выяснить, что происходит с понятием «рациональность» по мере эволюции индустриальной экономической системы, предъявлявшей спрос на рационального «экономического человека». Трансформируется ли, а то и вовсе сходит с исторической арены, сам «экономический человек» или сохраняет свою востребованность в глобализованном и цифровом XXI веке?

А если оглянуться назад, то не окажется ли, что «экономический человек» был всегда, просто до поры до времени спрос на него не был проявлен в обществе в силу господства отношений внеэкономического принуждения и, следовательно, основным персонажем долгое время оставался «внеэкономический человек»? В качестве аргумента можно сослаться на мейнстримовское понимание предмета экономической науки как поиск и выбор наиболее рационального использования ограниченных ресурсов. Поскольку все ресурсы рано или поздно обнаруживают свою ограниченность, постольку вопрос эффективного отношения к ресурсам относится к универсальным экономическим проблемам. Значит, рациональный «экономический человек» также универсален? По крайней мере, до тех пор, пока эта ресурсная ограниченность не будет преодолена. Но в этом случае предметное поле теоретической экономики оскудеет, и мир перешагнёт за пределы экономики – в некое постэкономическое пространство. Тогда «внеэкономический человек», переродившийся с началом капиталистической эры в «экономического», эволюционирует в «постэкономического человека»?

Поиску ответов на обозначенные вызовы и посвящена данная статья.

Результаты исследования

Рациональный «экономический человек» эпохи становления индустриальной экономической системы (XVIII-XIX вв.)

«Экономическому человеку», который прочно ассоциируется с Адамом Смитом, уже почти 250 лет [17]. Homo economicus (в переводе с латыни, - «человек экономический», или «человек рациональный»). Иными словами, освободившийся от личной, внеэкономической, зависимости человек осуществляет свой свободный выбор, руководствуясь результатами своей экономической деятельности. По А. Смиту, он как бы направляется чьей-то невидимой рукой, т.е. совершенной конкуренцией [25], ведомый собственными эгоистическими целями, в результате чего выигрывает всё общество. Надо отдать Смиту должное: его аргументация выглядит весьма убедительной и с ним сложно не согласиться. Действительно, о чём думает булочник, который встаёт ни свет, ни заря, выпекает свежие булочки и встречает ими спешащих на работу людей? Разве о том, что люди будут думать о нём хорошо и испытывать благодарность по отношению к нему? Во все нет. Он думает о том, что свежие булочки, вовремя предложенные да ещё учитывающие вкусы утренних покупателей,

принесут ему больше прибыли. А кто от этого проигрывает? Никто. Наоборот, все в выигрыше. Не надо мешать «экономическому человеку» направляться таинственной «невидимой рукой», т.е. совершенной конкуренцией.

Позднее неоклассический маржинализм в лице А. Маршалла с его знаменитым «крестом Маршалла» [13] критерием эффективности станет считать чисто рыночное равновесие, позволяющее потребителю максимизировать общую полезность [14], а производителю – прибыль [8]: если в обществе произведено равновесное количество продукции (QE), которая продана по равновесной рыночной цене (PE), то ограниченные ресурсы израсходованы рационально. Этими сигналами чисто рыночного равновесия и руководствовался «экономический человек», свободный от всяких нравственных принципов, эгоистично наживающий деньги. Иными словами, признавалось, что чисто рыночный критерий эффективности (реальность соответствует точке рыночного равновесия (E), устанавливаемой совершенной конкуренцией) совпадал с критерием справедливости.

Дальнейшая корректировка данной версии рациональности отталкивалась от интерпретации рыночного равновесия главы Кембриджской школы.

«Экономический человек» эпохи смешанной экономической системы (XX в.)

По мере эволюции рыночной системы (используем этот термин с некоторой натяжкой, акцентируя внимание не столько на господстве системы свободного предпринимательства – о каком господстве может идти речь на фоне возникновения монополий в последней трети XIX века, сколько на незначительной роли государства в экономике) в смешанную систему эволюционировал и критерий эффективности. Благодаря Дж.М. Кейнсу [7], в экономическую науку пришло понимание того, что рыночный механизм не способен обеспечить макроэкономическое равновесие при полном использовании ресурсов, поскольку «не видит» внешних эффектов. Последние, хоть и порождаются рыночным механизмом, однако не оказывают влияния на благосостояние обоих участников рыночной сделки: ни продавец, ни покупатель не испытывают изменения прибыли и общей полезности; последствия падают на «третьих лиц», не имеющих к рыночной сделке никакого отношения. Причём эти последствия могут быть как положительными (реже), так и отрицательными (чаще).

Преыдушие классические (неоклассические) экономические школы игнорировали это, поскольку руководствовались тезисом «предложение создаёт свой собственный спрос». В соответствии с теорией трёх факторов производства Ж.-Б. Сэя, каждый владелец фактора производства, продавая его, выкупал «свою» долю национального продукта, эквивалентную доходу, полученному за реализованный фактор производства [19]. В этой схеме рынок всё «видел» и формировал для «экономического человека» правильные ценовые сигналы. Проблемы экономического развития ставили перед экономической наукой XVIII-XIX вв. задачу ответить на вызовы зарождения и становления индустриальной экономической системы. Экономическая наука с этим справилась.

Однако XX век, сосредоточившись на проблемах эффективной работы уже сформировавшейся промышленной структуры общества, столкнулся с растущими последствиями «невидимой руки рынка», которая оказалась слепой в отношении расхождения двух «хорошо»: то, что хорошо для «экономического человека», всё чаще становилось «плохо» или, как минимум, «проблематично», для общества. Безоговорочную веру Смита в «невидимую руку» всё чаще хотелось поколебать вопросами типа «о чём мечтает стекольщик или гробовщик»? И насколько общество в целом выиграет от битвы окон и эпидемий?

Игнорирование несовпадения рациональности на уровне индивидуума и общества завело экономическую науку в тупик. Настало время революционной смены парадигмы, что сделал Дж. М. Кейнс, выдвинув тезис «спрос рождает предложение». А поскольку рынок не в состоянии оценить экстерналии (они являются для него внешними эффектами, хотя реально влияют на благосостояние так называемых третьих лиц), то посылает «экономическому человеку» искажённые ценовые сигналы.

Проблема экстерналий выявила потребность в учёте социального (квази-, псевдорыночного) равновесия. Возьмём в качестве примера Ярославль с его высокой степенью техногенной нагрузки

на окружающую среду: зарегистрировано более 14 тысяч объектов, отличающихся наличием загрязняющих источников [18]. Скажем, выпуская востребованную экономикой продукцию (автомобильные бензины, дизельное топливо, авиационный керосин, топливо для реактивных двигателей и топочный мазут, базовые, компрессионные, трансмиссионные и индустриальные масла, битумы, парафино-восковую продукцию, ароматические углеводороды), ПАО «Славнефть-ЯНОС» одновременно осуществляет выброс в атмосферу в больших количествах углеводородов, угарного газа, углекислого газа, различных сернистых соединений, оксидов азота, твёрдых веществ, которые оказывают заметное негативное влияние на состояние окружающей среды и, прежде всего, на атмосферный воздух. Это порождает отрицательную экстерналию в виде дополнительных расходов по укреплению здоровья проживающих рядом с предприятием людей, сохранению зелёных насаждений и поддержанию металлоконструкций в надлежащем виде на близлежащих территориях.

Пусть внутренние (частные) издержки производства 1 л дизельного топлива для Арктической зоны высшего сорта составляют условные 300 д.е. Тогда, с точки зрения рынка, будет произведено некое Q_E литров этого топлива и продано по цене не ниже 300 д.е. Однако отрицательная экстерналия составляет условные 60 д.е. на каждый выпускаемый литр арктического топлива, что, с точки зрения общества, удорожает производство, смещая кривую предложения влево и образуя новую точку равновесия E' . Это уже не рыночное, а социальное (псевдорыночное) равновесие, в соответствии с которым общество не может позволить себе производить Q_E литров топлива и продавать его по цене не ниже 300 д.е. Это слишком расточительно. Рациональный объём производства – некое Q' , а его цена – не ниже 360 д.е.

С другой стороны, предположим, что фермер Ростовского района Ярославской области осушил болото, чтобы расширить посевы цикория. Своего результата он достиг. Однако одновременно улучшились агрофизические свойства почвы у соседа-фермера, поскольку ликвидация болота благоприятно повлияла на почвообразование и плодородие за пределами участка фермера-инициатора мелиорации земли. В данном случае возникла положительная экстерналия в виде дополнительных доходов соседа-фермера. Рынок, устанавливая рыночное равновесие, в этом случае, в отличие от предыдущего, занижает то количество мелиоративных работ, которое общество признаёт эффективным.

Таким образом, в случае отрицательных внешних эффектов происходит перепроизводство товаров (в случае положительных – наоборот), однако в обоих случаях ресурсы расходуются неэффективно. Точка рыночного равновесия перестаёт посылать обществу реальные сигналы о рациональном подходе к аллокации факторов производства. Функции рационального «сигнальщика» переходят псевдорыночному равновесию. Поскольку рынок не в состоянии сдвинуть экономику в сторону этого равновесия, эта миссия возлагается на государство.

Последнее, как известно, выбирает один из двух типов корректировочных мер: либо прямой административный метод, либо косвенный метод с использованием налоговой сферы. Второй метод тоже раздваивается: проблема решается либо через налог Пигу (главное – определить, кто виноват в ущербе при отрицательной экстерналии, и наказать нарушителя, а в идеале – помочь пострадавшему от отрицательной экстерналии и поощрить инициатора положительной экстерналии) [16]; либо через теорему Коуза (главное – не искать виновника и заставлять его возместить потери, а специфицировать права собственности, что поможет интернировать внешние эффекты, т.е. перевести внешние потери во внутренние издержки) [10, 23].

Однако изначальная ориентация на максимизацию полезности или прибыли сохранилась, хотя и подверглась отмеченной корректировке, которая развела, разъединила рыночный и социальный критерии эффективности. «Экономический человек» на микроуровне остался привержен принципу *laissez-faire*, в то время, как общество на макроуровне оказалось заинтересовано в его трансформации в «социально-экономического человека». «В результате на протяжении многих десятилетий XX в. экономическая наука пребывала в состоянии шизофренической раздвоенности: если действующими

лицами в микроэкономике выступали рациональные, то в макроэкономике – нерациональные экономические агенты» [6, с. 164-165].

«Экономический человек» эпохи глобализации (XXI в.)

Процессы глобализации и социализации привели к осознанию уязвимости глобальной экосистемы Земли и невозможности бесконечного расширения сферы влияния в ограниченном пространстве. Нацеленность «экономического человека» на оптимизацию (через максимизацию полезности или прибыли) сменилась сначала признанием фиаско рынка относительно экстерналий, а затем – выбором ограниченной рациональности: с учётом информационных и когнитивных ограничений принцип оптимизации был заменён принципом удовлетворённости [1, 11, 12, 22].

Рассмотрим ситуацию выбора неким потребителем товара по двум критериям — Q и P (например, качество и доступность цены). У потребителя имеется несколько возможных вариантов. Если руководствоваться традиционным пониманием оптимальности классического «экономического человека», то из всех вариантов будет выбран тот, который сочетает в себе самую доступную цену с самым высоким качеством продукции (Q_{\max} и P_{\min}).

Теперь предположим, что потребитель вместо максимизации полезности удовольствуется допустимым для него, но не обязательно максимальным, уровнем качества продукции и доступности её цены (Q' и P' ; при этом $Q' < Q_{\max}$, а $P' > P_{\min}$). Тогда количество вариантов для выбора сокращается, т.к. некие варианты выбраковываются по критерию доступности цены, другие – по уровню качества продукции, а третьи не устраивают потребителя по обоим критериям одновременно: он слишком дорогой и некачественный. В итоге потребитель выберет самую близкую позицию к минимально допустимому сочетанию цены и качества; как только она «попадётся» покупателю, последний на ней и остановится, удовлетворившись ограниченной оптимизацией вместо максимальной.

Генеральная ассамблея ООН в 2015 г. приняла ключевой документ «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года», где сформулировано 17 целей устойчивого развития на период 2016-2030 гг. [2]. Цель № 12 провозглашает «переход к рациональным моделям потребления и производства», Термин «рациональная модель» в данном контексте означает «устойчивая модель», в основе которой лежит осознание ответственности за будущие поколения в планетарном масштабе. Это понятие распадается на три блока. Во-первых, – хорошо известные экологоориентированные компоненты, включающие «зелёную экономику», «назкоуглеродную экономику» и «биоэкономику», призванные повысить благосостояние людей и обеспечить социальную справедливость, существенно снижая риски для окружающей среды и её деградации. Во-вторых, – также достаточно известный шеринг как совместное потребление товаров и услуг, своеобразная форма общественной кооперации. Примерами являются: возникновение платформы eBay – электронного аналога «блошиного рынка» (в России существовала до марта 2022 г.), сайта электронных объявлений Craigslist (в РФ функционирует в Москве и Санкт-Петербурге), фудшеринга («делёжка едой», т.е. возможность, с одной стороны, бесплатно получить пищу, а с другой, – добровольно поделиться её излишками), каршеринга (краткосрочная аренда автомобиля), иных –шерингов, практикующих коллективное использование товаров и услуг, бартер и аренду вместо владения. В-третьих, – менее известная концепция «замедления ритма жизни» (англ. slow living), получившая наибольшее развитие в сегменте поколения Z [20]. На рубеже тысячелетий даже был создан Мировой институт замедления (World Institute of Slowness).

Речь идёт о ценностях тех, кто родился 10-25 лет назад, т.е. является в настоящее время либо тинейджерами, либо свежеспечёнными выпускниками вузов. Первое «цифровое поколение», получившее возможность, благодаря распространению информационно-коммуникационных технологий, выполнять работу, не выходя из дома, тем самым больше времени проводя с семьёй. Неожиданным результатом соединения этих возможностей стала экономность, что резко отличает молодёжь XXI века от поколения их родителей, равно как бабушек и дедушек, – генерации X (рождённые в 1965-1980 гг.) и отчасти Y (рождённые в 1981-1996 гг.), которые впитали свои

консюмерские привычки из общества потребления. В основе концепции «замедления ритма жизни» лежит осознанность выбора товаров и услуг, особенно режима и продуктов питания:

- отказ от фаст-фудов, недорогой еды,
- отказ от масс-маркета,
- выбор медленных путешествий, позволяющих выстроить коммуникации с семьёй, местными жителями и их культурой.

Тем самым рациональность понимается как результат взаимодействия природных и общественных систем.

Если второй этап, в отличие от первого, поднял проблему рациональности с индивидуального на общественный уровень, то третий, в отличие от второго, вывел её и за пределы национальной экономики, и за пределы экономического мейнстрима с его эгоистической нацеленностью на максимизацию потребления, противопоставив ему экономность (например, через распространение шеринговых моделей и концепции замедления ритма жизни). Неужели следующий этап выведет нас уже за пределы экономики, связав рациональность с неэкономическими целями, основанными «на сотрудничестве, взаимовыгодности, взаимопонимании, уважении национальных суверенитетов, на сопряжении знаний и технологий духовно-нравственным, культурным и этическим принципам и нормам» [4, с. 48]? Тогда экономическая рациональность уступит место «рациональности, основанной на критериях разума и культуры» [9, с. 93]. Однако это порождает, как минимум, два вопроса.

Во-первых, не попадём ли мы при этом в ловушку тавтологии (ведь термин «рациональность» происходит от лат. ratio — разум)?

Во-вторых, не подтвердит ли выход за пределы экономики, когда в основание рациональности окажутся заложенными неэкономические цели сотрудничества, правоту пророчества М.И. Туган-Барановского [21, с. 20]: «Политическая экономия частью превратится в теорию экономической политики, а частью войдёт в состав более общей науки об обществе – социологии», о чём мы писали ранее [24]?

Заключение

В ходе проведённого исследования было выявлено, что понятие рациональности, конъюгированное с классическим «экономическим человеком», в XXI веке подорвано. Ещё Людвиг фон Мизес критерием рационального поведения считал способность адаптации к изменениям [15]. Адаптировался ли «экономический человек» за свою почти 250-летнюю «жизнь» к переменам? Да. Однако эта эволюция сильно трансформировала его самого от полной рациональности – к ограниченной, от чисто экономической – к социо-эконо-экологической.

В XVIII-XIX вв. произошло зарождение и становление индустриальной экономической системы (классическая экономическая школа), нуждавшейся в теоретическом осмыслении принципа оптимизации. Критерием эффективности провозглашалось чисто рыночное равновесие, ориентированное потребителя на максимизацию общей полезности, а производителя – прибыли.

В XX веке, в условиях смешанной экономической системы (неоклассическая и кейнсианская школы), критерий эффективности «оброс» пониманием псевдорыночного (социального) равновесия при сохранении ориентации на максимизацию полезности и прибыли.

В XXI веке глобализация привела к осознанию уязвимости глобальной экосистемы Земли (новая институциональная школа), в результате чего на смену принципу полной оптимизации пришёл принцип частичной оптимизации (удовлетворённости); критерием эффективности стала считаться устойчивость.

Таким образом, «экономический человек» совершил «восхождение» от индивидуального уровня – через национальный – к наднациональному. Это позволило ему сохранить рациональность, но только ценой глубокой собственной трансформации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аузан, А. Экономика всего. Как институты определяют нашу жизнь. 4-е изд. / А. Аузан. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017. – 192 с.
2. База знаний по ЦУР. Организация Объединенных Наций. Департамент по экономическим и социальным вопросам // Устойчивое развитие: официальный сайт (2022). – URL: <https://sdgs.un.org/ru/goals> (дата обращения: 15.05.2023).
3. Глазьев, С.Ю. Мирохозяйственный уклад – интегральный, т.е. солидарный. / С.Ю. Глазьев. – Текст : электронный // Выступление на круглом столе ИА REGNUM и Института РУССТРАТ «Россия: какой образ будущего отвечает целям национального развития?». – 2022. – 1 июня. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Mk8OokvqAi0> (дата обращения: 15.05.2023).
4. Глазьев, С.Ю. Ноономика как парадигма управления нового мирохозяйственного уклада / С.Ю. Глазьев // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С.Ю. Витте. – 2022. – № 3. – С. 48-58.
5. Глазьев, С.Ю. Циклически-волновые теории экономического развития и перспективы мировой экономики. Предсказуемо ли среднесрочное и долгосрочное развитие мировой экономики? / С.Ю. Глазьев, А.Э. Айвазов, В.А. Беликов // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2019. – Т. 219. – С. 177-211.
6. Капелюшников, Р.И. Статус принципа рациональности в экономической теории: прошлое и настоящее / Р.И. Капелюшников // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2017. – № 1. – С. 162-166.
7. Кейнс, Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег / Дж.М. Кейнс; вступ. статья Н.А. Макашевой. Пер. с англ. – Москва: Эксмо, 2022 [1936]. – 960 с.
8. Кларк, Дж.Б. Распределение богатства / Дж.Б. Кларк; Пер. [с англ.] А. Бесчинского, Д. Страшунского; [Послел. Р. Энтова]; Отд-ние экономики АН СССР. – Москва: Экономика, 1992 [1899]. – 446,[1] с.
9. Колганов, А.И. Фундаментальные цивилизационные сдвиги с точки зрения метода политической экономии / А.И. Колганов // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С.Ю. Витте, – 2022. – № 3. – С. 93-105
10. Коуз, Р. Фирма, рынок и право / Р. Коуз; пер. с англ.: Б. Пинскер; вступ. ст.: Р. Капелюшников. – М.: Новое издательство, 2007 [1937]. – 221 с.
11. Кузьминов, Я.И. Курс институциональной экономики: институты, сети, трансакционные издержки, контракты: учебник для студентов вузов / Я.И. Кузьминов, К.А. Бендукидзе, М.М. Юдкевич. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006. – XL, 442, [2] с.
12. Ларионов, И.К. Институциональная экономика: учебник / И.К. Ларионов, А.В. Новичков, М.В. Федоров. – М.: Дашков и К, 2022. – 444 с.
13. Маршалл, А. Принципы экономической науки: в 3 томах / А. Маршалл; авт. вступ. ст.: Дж. М. Кейнс. Пер. с англ. – Москва: Прогресс, 1993 [1890]. – Т. 1 – 415 с.; Т. 2 – 310 с.; Т. 3 – 351 с.
14. Менгер, К. Основания политической экономии / К. Менгер. – М.: Территория будущего, 2008 [1871]. – 434 с.
15. Мизес, Л. Человеческая деятельность. Трактат по экономической теории / Л. Мизес; пер. с 3-го испр. англ. изд. А.В. Куряева. – Челябинск: Социум, 2012 [1949]. – 875 с.
16. Пигу, А. Экономическая теория благосостояния: в 2 томах / А. Пигу; пер. с англ.; авт. вступ. ст.: Г. Хромушин. – М.: Прогресс, 1985 [1920]. – Т. 1 – 415 с.; Т. 2 – 456 с.
17. Смит, А. Исследование о природе и причинах богатства народов / А. Смит; пер. с англ. П.Н. Ключкина. – М.: Эксмо, 2022 [1776]. – 1056 с.
18. Современная экологическая обстановка Ярославля. – Текст : электронный (2023). – URL: <https://ug-plastics.ru/ekoproblemy/ekologiya-yaroslavl-oficialnyj-sajt.html> (дата обращения: 11.06.2023).
19. Сэй, Ж.-Б. Трактат политической экономии / Ж.-Б. Сэй; вступ. ст. и коммент. М.К. Бункиной

и А.М. Семенова. – М.: Акад. нар. хоз-ва при Правительстве Рос. Федерации: Дело, 2000 [1803]. – 229, [1] с.

20. Толкачев, С.А. О снятии противоречий и трансформации капитализма в эпоху Четвертой промышленной революции (капитал без капитализма или капитализм без капитала) / С.А. Толкачев // Вопросы политической экономии. – 2022. № 3. – С. 85-103

21. Туган-Барановский, М.И. Основы политической экономии / М.И. Туган-Барановский. – 4-е изд. – Петроград: Право, 1917 [1909]. – 540 с.

22. Тумин, В.М. Институциональная экономика: Учебник. / В.М. Тумин, И.А. Назарова, В.В. Тумин. – 3-е изд. – Москва: Инфра-М, 2022. – 268 с.

23. Coase, R. The Problem of Social Cost // Journal of Law and Economics, The University of Chicago Press. – 1960. – № 3. – Pp. 1–44.

24. Rodina, G.A. Political economy today: did M.I. Tugan-Baranovsky's prophecy come true? // Marx and modernity: A Political and Economic Analysis of Social Systems Management. Edited by Marina L. Alpidovskaya, Elena G. Popkova. – Publishing INFORMATION AGE PUBLISHING, INC (P.O., Char-lotte, North Carolina, USA), 2019. – Pp. 119-133.

25. Smith, A. The Theory of Moral Sentiments, – São Paulo: MetaLibri, 2006 [1759]. – 322 p.

Qualitative changes in global socio-economic development: the potential of theoretical concepts of rationality

Rodina Galina Alekseevna

Doctor of Economics, Professor

Yaroslavl State Technical University Yaroslavl, Russian

E-mail: galinarodina@mail.ru

Annotation. The article develops the topic of current problems of modern socio-economic transformations that require reflection and comprehensive research, which occur both at the national and international levels and encourage the development of an urgent development strategy taking into account the formation of a new world economic model. This article is devoted to the analysis of the potential of theoretical ideas about rationality, which are the basis of the subject of economic theory. The hypothesis is put forward that as the transformation of the industrial economic system, which has presented a demand for a rational «economic man», into some other system, the «economic man» himself must also transform into a new being; otherwise, its effectiveness will either be undermined or lost. There are three stages of this transformation at three levels: individual, national and supranational. The author traced the transition from the complete rationality of the «economic man», guided by a purely market equilibrium, to the pseudo-market (social) equilibrium of the «socio-economic man», and from it to the principle of partial optimization (satisfaction), the criterion of effectiveness of which is sustainability. As a result, the conclusion was substantiated that the «economic man» managed to maintain competitiveness in the XXI century, but only at the cost of a deep transformation of his own from full rationality to limited, from purely economic rationality to socio-economic-ecological. A forecast is made regarding the increase in the rationality of non-economic goals of cooperation, mutual benefit, the coupling of knowledge and technology to spiritual, moral, cultural and ethical principles and norms, which actualizes M.I. Tugan-Baranovsky's prediction about the fate of political economy, made by him more than a hundred years ago

Keywords: rationality, «economic man», efficiency, the principle of full optimization, the principle of limited (partial) optimization, market equilibrium, pseudo-market equilibrium, stability of the economic system